

Князь Михайло Репнин

Вез отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столов блистает ряд.
Разгульные за ними опричники сидят.
С вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусяры.
Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.
Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину он кравчему велит:
Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!
Себе личину, други, пусть каждый изберет,
Я первый открываю веселый хоровод.
За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!
И все подъяли кубки. Не поднял лишь Один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.
О царь! Забыл ты бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!
Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в машкаре плясать!
Но царь, нахмуря брови: В уме ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!
Не возражай ни слова и машкару надень
Или клянусь, что прожил ты свой последний день!
Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
Опричнина да сгинет! он рек, перекрестясь.
Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!
Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!
Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звенящий кубок пал...
Умри же, дерзновенный! царь вскрикнул, разъярясь,
И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат.
За длинными столами опричники шумят,
И смех их раздаётся, и пир опять кипит.
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:
Убил, убил напрасно я верного слугу.
Вкушать веселье ныне я боле не могу!
Напрасно льются вины на царские ковры.
Поют царю напрасно лихие гуслиеры.
Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.